

УДК 821.161.1.09

ЧТЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ИНСТИТУТОК

© 2011 А.С. Сафонова

Тверская государственная медицинская академия

Поступила в редакцию 20 октября 2010 года

Аннотация: Мемуары и беллетристика XIX века представляют множество обращений к теме институтского образования, однако специальные исследования, посвященные этому вопросу, практически отсутствуют. В данной статье мы пытаемся определить, какое место занимало чтение в системе воспитания институток. Предпринятый нами анализ мемуарной и художественной литературы показывает, что чтению всегда отводилась второстепенная роль, несмотря на проведенную в конце 1850-х гг. реорганизацию учебного процесса.

Ключевые слова: институт благородных девиц, система воспитания, чтение, реформа образования, второстепенная роль.

Abstract: Though 19th century memoirs and fiction offer a lot on the education at Noble Maidens Institutes, special studies on the topic are almost absent. In this paper we try to define the role of reading in that education system; our analysis of memoirs and fiction has convinced us this role, in spite of the 1850's education reform, had always been marginal.

Key words: Noble Maidens Institute, education system, reading, education reform, marginal role.

Понятием «институтки» обозначались воспитанницы средних учебных заведений, так называемых институтов благородных девиц. Официальное начало женским институтам в России было положено Екатериной II, учредившей в Санкт-Петербурге в 1764 г. Воспитательное общество благородных девиц. Оно размещалось в стенах Воскресенского девичьего монастыря, построенного на месте Смольного дворца. Именно поэтому Воскресенский монастырь обычно называли Смольным монастырем, а питомиц Воспитательного общества – «смолянками» или «монастырками». В институте учились дворянские дочери в возрасте от 6 до 18 лет. По замыслу основательницы, институты должны были готовить «новое поколение людей, которые усовершенствовали бы жизнь и наслаждались бы счастьем» [1, 193]. Впоследствии по образцу Смольного института подобные учебные заведения возникли в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и некоторых других городах России.

Тема постановки обучения в женских институтах достаточно распространена в мемуарной и художественной литературе, однако исследователи к ней практически не обращались, существуют лишь отдельные замечания в работах, посвященных институтскому воспитанию [2]. Главный интересующий нас вопрос связан с тем, какое место занимало чтение в системе воспитания институток.

В целом, в жизни институтов можно наметить два периода. Первый связан с деятельностью Екатерины II и Марии Федоровны. Новая эпоха начинается с конца 1850 х гг., о чем я буду говорить далее.

На первом этапе существования институтов первостепенное значение придавалось не образованию, а нравственному воспитанию и приобретению навыков, необходимых для светской жизни. В связи с этим основными предметами в институте были закон божий, иностранные языки, музыка, танцы. Согласно уставу, главное было «не столько учить детей, сколько давать им охоту, желание и любовь к знанию, дабы

сами желали умножить его» [3, 102]. Место чтения в системе воспитания было изначально маргинальным. Устав институтов рекомендовал «возбуждать в воспитываемых охоту к чтению книг, как для собственного увеселения, так и для происходящей от него пользы» [4, 218].

Постановка обучения в институтах была изменена с 1798 г. новой руководительницей воспитательных учреждений императрицей Марией Федоровной. Сама система воспитания стала, по словам историка Е.Н. Щепкиной, «гораздо практичней». Прежние воспитательные задачи гуманно-общественного характера были заменены более узкими – подготовкой добрых супругов и матерей. Таким образом, как отмечает известный педагог П.Ф. Каптерев, «была открыта чисто женская профессия, она-то и была выдвинута на первый план в институтском курсе» [1, 195].

Первые выпускницы с благодарностью вспоминали институтские годы. Г.И. Ржевская в своих мемуарах воздает должное Екатерине II, создавшей этот «приют невинности и мира», в котором прошли «счастливые времена» ее жизни [6, 36]. Более поздние воспоминания свидетельствуют о том, что впоследствии воспитание стало сводиться к поддержанию внешнего благообразия, дисциплины и порядка [4, 245]. Несмотря на то, что программы обучения в институтах были разными, учебный курс соответствовал единой цели. С точки зрения писательницы С.Д. Хвошинской, институт не давал ни удовлетворительного образования, ни нравственного воспитания [6, 119].

Что касается чтения, то, по воспоминаниям выпускниц, вплоть до 1860-х гг. в институтах не было даже библиотек. Художественные произведения институтки читали в кратких изложениях по хрестоматиям или знакомились с ними со слов учителя. «В старшем классе, – вспоминает выпускница Московского Ермоловского училища, – прибавлялся курс французской литературы, который мы проходили по запискам, составленным неизвестно кем и никогда не изменявшимся и не дополнявшимся» [7, 59]. Е.Н. Водовозова с горечью пишет, что, будучи институткой, гордилась тем, что Лермонтова читала в изложении на восемнадцати страницах, а Пушкина – на тридцати. Она же вспоминает, что «подходящего чтения, которое могло бы хотя несколько заинтересовать учениц, не существовало» [4, 254].

Об отсутствии достойного чтения свидетельствуют выпускницы разных лет. «Во всем институте даже Крылова не было! – писала Н.С. Соханская, – Читали мы какие-то изорванные побасенки во время класса чтения» [8, 18]. Т.Г. Морозова, заставшая последние годы существования институтов, вспоминала, что в инсти-

тутских книжных шкафах были «бесконечные жития святых и книги на французском языке» [9, 453]. Строгая цензура на книги приводила к тому, что курсы литературы были оторваны от интересов современной жизни. Поэтому как яркое воспоминание Морозова описывает два урока рукоделия, на которых классная дама читала вслух повесть В.П. Желиховской [9, 453]. Произведения Тургенева, Толстого, Достоевского она прочитала уже после института.

Отзывы воспитанниц совпадают с оценкой, которую дает А.Д. Галахов, служивший в 1840–1843 гг. инспектором классов в московских институтах – Екатерининском и Александровском. Анализируя постановку обучения, он отмечал существенные изъяны, в частности в преподавании русской словесности. По его словам, преподавание «было схоластическое, страдало отсутствием всякой живой связи между теорией и образцами. Да и самая теория ограничивалась так называемыми правилами риторики, рецептами для разных родов сочинений» [10, 263].

Как в мемуарах институток, так и в художественной литературе, описывающей институтскую жизнь, почти не встречаются упоминания о любимых писателях или произведениях. Чаще всего говорится о преподавателях словесности, причем в оценке их деятельности основным критерием является степень эмоциональности в подаче материала. Например, А.В. Стерлигова вспоминает своего преподавателя словесности П.Г. Ободовского: «Его лекции были интересны, особенно когда он читал сочинения поэтов и писателей, читал блестяще-увлекательно; он это делал в награду, если хорошо отвечали» [11, 107]. О своем преподавателе словесности пишет и Е.Н. Водовозова: «Читал он несколько гробовым голосом, сопровождая чтение классическими жестами, но нам это чрезвычайно нравилось. В стихотворениях нас увлекала музыка и мелодичность стиха, в прозе – возвышенные выражения, и хотя до смысла мы не додумывались и наш учитель не объяснял нам его, но все же это нас увлекало более, чем сухое заучивание грамматики» [4, 327]. В целом же бывшие воспитанницы институтов сходятся во мнении, что «дело преподавания было обставлено крайне неудовлетворительно» [7, 55], большая часть педагогов была людьми невежественными, которые не хотели и не могли возбуждать стремление к чтению, но тем ярче вспоминаются педагоги, способные «пробудить жажду знаний и любознательность», которые «вносили жизнь и вызвали работу ума среди сонного обучения» [12, 55].

Курсы русской и иностранной литературы включали в себя «очень подробно древних, духовных писателей и очень кратко новейших»

[13, 484], и это не восполнялось внеклассным чтением, которое всячески ограничивалось и контролировалось, чтобы оградить институток от вредных идей и сохранить в них невинность ума и сердца. Однако институтки умели обходить запреты. По словам Е.И. Лихачевой, «некоторые воспитанницы читали тайком приносимые им братьями и сестрами романы Сю, Дюма, а иногда и просто-напросто сочинения порнографической литературы» [14, 445]. Н.С. Соханская вспоминала, как «отдавала свой завтрак, полдник, обед за позволение прочитать книгу» [8, 19], причем читать ей приходилось лежа под кроватью. С подобными трудностями сталкивались девушки во многих институтах. «Но так как между нами было немало ярых любительниц чтения, – рассказывает бывшая воспитанница Московского Ермоловского училища, – то мы ухитрились как-то доставать себе разные жестокие романы, вроде “Парижских тайн”, “Таинственного монаха”, “Мартина найденыша” и прочей дребедени, которую мы зачитывались до одурения» [7, 61]. Воспоминания бывших институток свидетельствуют, что многое в их восприятии литературы зависело от возраста и культурного развития.

В середине XIX в. стало очевидным, что состояние женского образования в стране требует реформ. Общественное движение за эмансипацию женщин и развитие женского образования получило поддержку императрицы Марии Александровны. В 1859 г. инспектором классов в Смольный институт был назначен К.Д. Ушинский, который провел ряд прогрессивных мероприятий, пытаясь реорганизовать весь учебно-воспитательный процесс. В результате Смольный институт преобразился до неузнаваемости. «Этот величайший русский педагог, вместе с введенными им новыми учителями, начал подрывать гнилые устои института и водворять в нем новые порядки, всколыхнувшие весь строй стоячего институтского болота, перевернувшие вверх дном все установившиеся в нем понятия о воспитании и образовании» [4, 314]. Учебные планы и программы были переделаны в соответствии с требованиями научной педагогики: впоследствии эти планы послужили основой для учебных планов женских гимназий. В основу преподавания был положен родной язык. Чтение иностранных литератур на иностранных языках было заменено курсом общей европейской литературы на русском языке. Была введена практика разбора художественных произведений, как русских, так и иностранных, и уже на основании таких разборов делались теоретические выводы [15, 294 295].

Одну из важнейших задач женского воспитания К.Д. Ушинский видел в том, чтобы

«еще в заведении приучить девиц к полезному, плодovитому чтению: внушить им любовь к нему; образовать в них вкус к изяществу в литературе и таким образом положить прочное основание к дальнейшему их самообразованию» [15, 295]. Воспитанницы получили возможность прочитать Шиллера, Шекспира, Гете, Гердера, Пушкина. Воспоминания бывших учениц Константина Дмитриевича Ушинского свидетельствуют, что девушки были явно увлечены занятиями и обнаруживали большую любовь к чтению. «Я скоро поняла, – пишет Е.Н. Водовозова, – что прежде меня не прельщало чтение классиков только потому, что оно было отрывочно, а объяснения Старова лишь сбивали с толку. В несколько дней я так пристрастилась к чтению, что институтский колокол, отрывавший меня от него, сделался моим злейшим врагом» [4, 349].

Преобразования, начатые Ушинским в Смольном, были введены и во многих других институтах. Выпускница Московского Ермоловского училища начала 1860-х гг. с благодарностью вспоминает об известном педагоге, последователе К.Д. Ушинского Ф.И. Бусллаеве. С тех пор как учебная часть училища перешла в его руки, девушки «получили возможность удовлетворять свою страсть к чтению уже не тайком, а совершенно открыто, и притом совсем не такими произведениями, которыми приходилось довольствоваться в дореформенные времена» [7, 69]. Новый инспектор не только развивал литературные вкусы учениц с помощью произведений английских романистов – Вальтера Скотта, Теккерея, Диккенса, но и вызывал девушек на обсуждение прочитанного.

Преобразовательская деятельность «реформаторов» вызвала недовольство со стороны приверженцев старой системы образования. Ушинский вынужден был оставить институт. Однако несмотря на то, что основные нововведения после ухода Ушинского были уничтожены, реформа его не умерла и получила распространение во многих женских институтах. Поколения русских женщин, прошедших через институты с начала 1860 х гг., обязаны Ушинскому улучшению условий образования и воспитания.

В то же время художественные произведения, принадлежащие перу бывших выпускниц второй половины XIX в., свидетельствуют, что не все преобразования, направленные на улучшение внутреннего строя институтов, смогли сразу повлиять на характер воспитания и образования. Во многих институтах в течение многих лет строй жизни оставался неизменным [14, 438].

Изоляция от внешнего мира, недостаток информации, отсутствие чтения приводили, по словам А.Ф. Белоусова, к потребности у девочек

к новым впечатлениям. Это порождало рассказы о привидениях, пересказы прочитанных или выдуманных историй. Так появлялись в институтах собственные поэтессы и прозаики. По мере взросления изменялся и тематический диапазон рассказов. «Если младшие воспитанницы довольствовались пересказом “суеверных сказок”, услышанных от сиделок и прислуги, то старшие рассказывали “волшебные сказки” собственного сочинения, пересказывали прочитанные или выдуманные ими самими романы» [16, 139]. Н.С. Соханская вспоминала, как ночами пересказывала подругам повесть А. Тимофеева «Тейфельсберг», дополняя ее красочными подробностями собственного сочинения. «Откуда в мою голову набралось столько разных разностей – Бог весть! Происшествия являлись, цеплялись, располагались сами собою, я едва успевала рассказывать их и совершенно не помнила, как только высказала. Если рассказ тянулся на другую ночь, я принуждена была прибегать к хитрости: говорила, что не помню, на чем мы остановились, и заставляла повторять себе главные обстоятельства дела, после чего я уже пускалась далее легко и свободно» [8, 22]. Впоследствии, после окончания учебы, некоторые бывшие воспитанницы продолжали пробовать писать, сохраняя особенности институтского письма.

Ярким примером являются произведения Л.А. Чарской, которую критики неоднократно обвиняли в пошлости и экзальтированности. Язык ее произведений называли средним между «институтским лепетом и малограмотным переводом» [17, 331]. Действительно, книги Чарской имели ряд существенных недостатков: однообразие сюжетов, языковые штампы, сентиментальность. Раздражала критиков и чрезмерная экзальтированность героинь. Однако они забывали о специфической среде, в которой воспитывались девушки. Многолетнее пребывание в стенах института налагало неизгладимый отпечаток на культурный облик институток, формировало вкусы, привычки, манеру поведения и даже черты характера, делая их узнаваемыми в обществе. Чарская относится к числу тех выпускниц института, которые с любовью, хотя и без прикрас изображают казарменную, монотонную жизнь учебного заведения. «Подробно рисуя все ужасы этого мрачного места, она ни на миг не усомнилась, что рисует умилительно-трогательное» [18, 159], — замечал один из главных оппонентов писательницы К.И. Чуковский.

С теплым чувством описывает Павловский институт и Н.А. Лухманова в повести «Девочки». Основной интерес обеих писательниц сосредоточен на разных ситуациях, возникавших

в детском коллективе. Читатель узнает о жизни девочек, оторванных от дома и вынужденных принять новые для них условия существования: изолированность от внешнего мира, строгий распорядок дня, грубую одежду, скудную пищу. Как и мемуары, эти произведения дают представление о том, как скуден был круг впечатлений девушек. Становится понятно, почему любая мелочь, нарушавшая монотонное течение времени, перерастала в событие и вызывала неадекватные реакции. Показательно, что в произведениях Чарской и Лухмановой, как и в мемуарах, нет упоминаний о чтении, что лишней раз подтверждает тот факт, что чтению отводилась второстепенная роль в системе воспитания институток.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на реорганизацию учебного процесса в 1859 г., которая призвана была в корне изменить содержание институтского образования, место чтения во многих институтах до последних дней их существования в целом оставалось маргинальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каптерев П.Ф. История русской педагогики / Предисл. Н.В. Бордовской; послесл. В.П. Борисенкова. — СПб. : Алетейя, 2004.
2. См.: Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1856 – 1880): В 3 т. — СПб. : Тип. Стасюлевич, 1901.; Шепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. — Тверь: Феминист-Пресс, 2004.; Каптерев П.Ф. Указ. соч.;
3. Белоусов А.Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. — Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. — Таллинн : Таллинск. пед. ин-т им. Э. Вильде, 1992.
4. Шепкина Е.Н. Из истории женской личности в России / Е.Н. Шепкина. — Тверь : Феминист-Пресс, 2004.
5. Цит. по: Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4 е. — М. : Новое литературное обозрение, 2008.
6. Ржевская Г.И. Памятные записки / Г.И. Ржевская // Институтки. Воспоминания воспитанниц... С. 36.
7. Хвошинская С.Д. Воспоминания институтской жизни / С.Д. Хвошинская // Две столицы: Проза русских писателей второй половины XIX в. о жизни Москвы и Петербурга. — М. : Современник, 1990.
8. С.Ф. Воспоминания о женском Ермоловском училище // Русская школа. № 5 6.

А.С. Сафонова

8. Соханская Н.С. Автобиография / Н.С. Соханская // Русское обозрение. — 1896. — № 7.
9. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц / Т.Г. Морозова // Институтки. Воспоминания воспитанниц.
10. Галахов А.Д. Записки человека / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В.М.Боковой. — М. : Новое литературное обозрение, 1999.
11. Стерлигова А.В. Воспоминания / А.В. Стерлигова // Институтки. Воспоминания воспитанниц.
12. Воропанова М. Институтские воспоминания / М. Воропанова // Русская школа. — 1902. — № 10 11.
13. Цит. по: Р.Ф. Воспоминания институтки шестидесятих годов // Русская старина. 1909. — № 9.
14. Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1856—1880): Т. 3. — СПб. : Тип. Стасюлевич, 1901.
15. См.: Ушинский К.Д. Собрание сочинений: В 2 т. — М.; Л. : Изд-во АПН, 1948. — Т. 2.
16. Белоусов А.Ф. Институтка / А.Ф. Белоусов // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. — Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. — Таллинн : Таллинск. пед. ин-т им. Э. Вильде, 1992.
17. Маршак С.Я. Воспитание словом / С.Я. Маршак. — М. : Советский писатель, 1964.
18. Чуковский К.И. Лидия Чарская / К.И. Чуковский // Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1969. — Т. 6.

Сафонова А.С.

*Тверская государственная медицинская академия, ассистент, аспирант кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета.
e-mail: safonova-t69r@mail.ru*

Safonova A.S.

Tver state medical academy, assistant, post-graduate student of the chair of Russian literature history Tver state university